

ПОГРАНИЧЬЕ

СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

РЕНЕГАТЫ

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рос)6-44
В67

Серия «Пограничье»
Художник *А. Фerez*
Автор идеи *С. Лукьяненко*

Волков, Сергей.

В67 Ренегаты : [фантастический роман] / Сергей Волков. —
Москва : АСТ, 2015. — 320 с. — (Пограничье).

ISBN 978-5-17-087897-0

Бывший контрабандист по прозвищу Гонец и его «коллега» Костыль неожиданно для себя оказались хранителями образца уникального оружия, переправленного с Земли неизвестному адресату и категорически запрещенного в Центруме.

Но кому предназначалось оружие? Какая сила, доселе неизвестная, готова вступить в борьбу за власть над Центрумом? И какую роль в новом раунде Большой игры предстоит сыграть заброшенному в Центрум художнику Олегу Сотникову?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рос)6-44

ISBN 978-5-17-087897-0

© С. Лукьяненко, 2014
© С. Волков, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Пролог

На флагштоке у дозорной башни 42-й заставы колыхался черно-белый карантинный флаг. Это означало, что среди кочевников, пасущих стада байвалов у границ Сухих пустошей, снова были отмечены случаи холеры.

Боб и Кречет покинули заставу на рассвете, и дежурный, сержант Жора Гриценко, закрыл за ними громыхающую воротину из профнастила.

— Ох, ох, что ж я маленьким не сдох, — проворчал Кречет, закидывая АКМ за спину.

Боб улыбнулся — напарник всегда начинал патрулирование с этого присловья, это был своеобразный ритуал, как и камень, который надлежало положить на могилу Спенсера.

Солнце мутным оранжевым пятном висело над горбатыми холмами. На размазанных по небу «кошачьих хвостах» еще были заметны розовые отблески зари.

— Ветер будет, — сказал Боб.

— Это на Земле вирусы радианусы к смене погоды, — удивил его познаниями в аэрологии Кречет. — А здесь это просто облака. Камень нашел?

Боб заозирался в поисках какого-нибудь булыжника. На 42-й заставе уже несколько лет бытовал обычай — перед патрулированием погранцы делали небольшой крюк к Одинокому холму и клали на могилу контра по имени Спенсер камень. Как говаривал заместитель начальника заставы капитан Мамай: «Чтобы не вылез».

Спенсер умер нехорошо. До своей кончины он считался одним из самых фартовых контрабандистов во всем Южном Сургане, носил неофициальное звание Короля Пустошей и не раз оставлял пограничников с носом. Поговаривали, что это именно он изобрел схему с гонцами, когда вышедшие из Портала контрабандисты делились на две группы. Одна, та, что с товаром, пряталась в схронне или каком-то укромном месте, а вторая выполняла отвлекающий маневр, уводя преследователей в сторону, и в последний момент уходила обратно на Землю. Тем временем к первой группе высылался гонец — мобильные телефоны в Центруме жили не долго, начиная «течь» через пару-тройку часов, вышек не было, да и с радиосвязью имелись большие затруднения. Передать сообщение на расстояние свыше трех десятков километров было весьма проблемно, и в дело вступали гонцы. Они сообщали коллегам с товаром, что путь свободен, и те делали свое черное дело.

Но сколь веревочке ни виться — все равно конец придет. Спенсер попался по-глупому — вышел из Портала прямо на усиленный патруль. Куда он ходил, в какой из миров, так и осталось загадкой; говорить Король Пустошей уже не мог и только шипел и плевался. Тело его крутили судороги, кожа посинела, кулаки были сжаты с такой силой, что ногти прободили кожу на ладонях, и пальцы покрывала запекшаяся кровь.

Патруль дотащил Спенсера до заставы, получил нагоняй все от того же Мамай, который быстренько организовал изолятор и велел всем молиться, чтобы зараза, убивавшая Спенсера, не перекинулась на остальных.

Начальник заставы майор Филимонов в тот момент был в командировке и вернулся через несколько дней. Он застал на 42-й всеобщие разброд и шатание: личный состав был бледен, немного пьян и дико напуган.

Мамай, человек бывалый, циничный — и в общем-то большая сволочь, — заикаясь, доложил командиру, что

известный контрабандист Король Пустошей Спенсер умер два дня назад от неизвестной болезни в переоборудованном под изолятор хозблоке, а когда его закопали у Одинокого холма, вылез из могилы и пришел ночью на заставу.

— На ч-четвереньках, как с-собака, — пояснил Мамай.

Филимонов, понятное дело, решил, что в его отсутствие пограничники перепились настоящей на дурь-траве самогонки, страшно разорался, пообещал законопатить всех на губу на месяц, сорвал с Мамаи нашивки и тряс у его носа пистолетом.

Тогда Мамай дрожащими руками открыл дверь хозблока, и начальник заставы увидел то, что раньше было Спенсером, — покрытое пылью и грязью существо, скребущее пальцами землю. Сквозь спутанные волосы на Филимонова взглянули синие глаза без зрачков. Пистолет у командира 42-й заставы был хороший, «козырный», как говорили пограничники, — наградной двенадцатизарядный «зиг-зауэр». Поскольку он уже находился в руке, Филимонов не задумываясь высадил в Спенсера, вернее, в то, что было когда-то Спенсером, всю обойму.

Дергающееся тело замотали в брезент и снова зарыли у Одинокого холма, углубив могилу на два метра. На всякий случай на земляной холмик навалили валун величиной с двухкамерный холодильник и поставили рядом стационарный пост.

Спенсер вылезал еще дважды. Он успокоился только после того, как Мамай отрубил пожарным топором ему все конечности и голову. Филимонов под страхом смерти запретил своим погранцам рассказывать об этой истории, справедливо полагая, что первая же комиссия из Главного Штаба Пограничной Стражи отправит всех в долговременный карантин или вообще сожжет личный состав вместе с постройками — от греха.

Боб попал на заставу уже после этих веселых событий и первые две недели до посвящения никак не мог понять, зачем патрульные перед выходом в степь заходят к Одинокому холму и добавляют к высокой, выше человеческого роста, куче камней все новые и новые булыганы.

— О, нашел! — обрадовался Боб, углядев за кустиками бесцветника плоский окатыш.

— И мне там пошукай чего-нибудь, — буркнул Кречет. — Нога болит по кустам скакать.

Если у Кречета было плохое настроение, то у него обязательно болела нога, рука, спина или еще что-нибудь. А поскольку плохое настроение случалось с напарником Боба чаще, чем холера у кочевников, Кречет все время жаловался на здоровье. Здоровым он становился только в экстремальных ситуациях и тут уж давал стране угля, мелкого в силу худошавого телосложения, но много по причине взрывного темперамента.

К могиле подошли спустя полчаса.

— Спи спокойно, Спенсер, хоть ты и сука! — торжественно сказал Кречет и бросил свой камень. — Чтоб ты больше никогда не вылез.

Боб последовал его примеру и покосился на ряд глинистых холмиков справа. Там были похоронены безвестные по большей части контрабандисты, оказавшие сопротивление патрулю. Возможно, не все эти люди на самом деле были преступниками, но законы Пограничья не делали различий между теми, кто тащил товар через пустоши, и теми, кто просто не выполнил требования патруля и вовремя не поднял руки.

Своих мертвецов 42-я застава хоронила за забором, у Трех камней. Там тоже набралось с десяток крестов и самодельных обелисков, украшенных корявыми эпитафиями, высеченными в ноздреватом песчанике: «Спи спокойно, брат, мы отомстили за тебя».

— Ну, пошли, что ли, — сказал Кречет и первым зашагал вверх по склону. Под подошвами его коротких пыль-

ных сапог скрипел щебень. Боб поправил карабин и двинулся следом. В такт шагам во фляге побулькивала вода.

— Достал ты уже с этим бульканьем, — беззлобно общил Бобу Кречет минут пять спуска.

Боб не ответил. Для него отхлебнуть перед выходом глоток из наполненной фляги было личным, секретным ритуалом, о котором он никому не рассказывал.

Когда Одинокий холм скрылся из виду, Кречет остановился и достал бинокль. Патруль подошел к первой «контрольке» — месту, где была высока вероятность открытия Порталов с Земли. Всего таких «контролек» на маршруте было пять: здесь, у Мертвого ручья, потом в Длинной балке, далее — у Оградок, на Глине и у Козьего брода.

Приложив старенький «Фотон» производства Казанского оптико-механического завода к глазам, Кречет несколько минут обозревал окрестности, потом сплюнул в сторону и бросил:

— Чисто. Айда полосы глянem — и дальше.

Контрольно-следовыми полосами пограничники ограждали зоны, в которых открывались Порталы. Програбленная земля в безводных пустошах хорошо сохраняла следы, и опытный глаз мог без труда определить, кто здесь прошел, когда и каким составом.

Рутинная работа патрульного всегда настраивала Боба на философский лад. Шагая в пяти шагах справа сзади от Кречета, он из-под козырька выцветшего уже кепи оглядывал чуть подрагивающие в мареве разгорающегося дня пологие спины холмов, похожие на горбы ушедших в землю верблюдов, гонял во рту вязкую слюну и думал, что жизнь любого человека, где бы он ни жил и чем бы ни занимался, похожа на патрульный рейд от «контрольки» до «контрольки». Роддом — детсад — школа — институт — это если в башке сало есть, а дальше: работа — пенсия — и холмик с обелиском и эпитафией: «Спи покойно, брат...»

Длинная балка тоже не преподнесла никаких сюрпризов. Солнце поднялось к зениту. Стало жарко, со стороны далеких Ржавых болот потянул душный, противный ветерок. Кусты бесцветника и ломачи затрепетали, сухая трава прилегла к земле.

— Я же говорил — ветер будет, — сказал Боб.

— Обед, — невпопад отозвался Кречет и скинул рюкзак на камни у выхода из балки. — Десять минут.

Боб усмехнулся про себя. Кречет попал в пограничники прямо из армии, где возглавлял отдельный взвод охраны, и вытравить из него привычку командовать было так же невозможно, как сточить вручную заводской номер с АКМ.

Разложив немудреную снедь на относительно чистой тряпице, Боб вскрыл штык-ножом две банки тушеной свинины, протянул одну Кречету.

— Ну, дай Бог, чтоб без ботулизма, — вздохнул напарник и застучал ложкой.

Ботулизм был проклятием 42-й заставы. Обычные земные консервы в жарком климате Южного Сургана портились быстро, свежак подвозили редко, а чтобы хоть немножко прогреть тушенку, нужно было тащить на себе приличный запас дров — в пустошах костер развести было не из чего. Филимонов ругался, страшал патрульных суровыми наказаниями, но в итоге смирился с тем, что раз в месяц кто-нибудь из его бойцов валялся в изоляторе, мучаясь животом.

Слово «мучаясь» вообще очень точно характеризовало все, что было связано с 42-й заставой.

— Добро пожаловать в ад, — с мрачной гордостью приветствовали новичков старожилы, а во время обязательного посвящения, когда неофит жрал песок с пустой и запивал его спиртом, орали хором:

— Пей до дна, чтоб не кровь!

При этом 42-я застава, расположенная на самой границе Сургана, между Ржавыми болотами и Сухой пусто-

шью, имела в Штабе Пограничной Стражи репутацию «заставы, на которой никогда ничего не случается». В самом деле, за исключением истории со Спенсером тут не происходило ничего примечательного — ни прорывов кочевников, ни нападений бандитов, ни попыток проноса крупных партий нелегального товара.

И тем не менее на 42-й была самая высокая смертность и одни из самых тяжелых условий службы во всем Пограничном корпусе. Неудивительно, что большинство людей попадали сюда не по своей воле. Это было место для «залетчиков», штрафников и новичков, только начинающих тянуть пограничную лямку. Считалось, что стажер, прошедший 42-ю, мог претендовать на лычки сержанта и нормальную, спокойную службу где-нибудь в Цаде или Клондале.

— Ну все, пошли. — Кречет сунул опустевшую банку под клапан рюкзака, дожевал галету и поднялся. — После Глины еще перекусим.

Боб отхлебнул из фляги и тоже убрал свою банку в рюкзак. На заставе из них мастерили пепельницы, дымокурки против москитов, налетавших по осени, масляные лампы и прочие необходимые в хозяйстве штуки, и поэтому патрульные всегда приносили опустевшие жестянки из рейда обратно.

Повернув у Оградок, местного Стоунхенджа, где неведомые предки нынешних обитателей Центрума вертикально взгромоздили на вершине расползшегося холма два десятка каменных глыб, патрульные двинулись через ровную как стол пустошь к Глине. Так называлась долина высохшей черт-те знает когда безымянной реки. Глинистое дно ее растрескалось — Боб припомнил, что в Средней Азии подобные места именуются «такыр», — вот и получилась Глина. Ходить по кофейного цвета многогранникам с завернувшимися краями было удобно, если бы не одно «но» — под подошвами сапог они крошились, превращаясь даже не в пыль, а в какой-то коричневый поро-

шок. В ветреный, вот как сегодня, день этот порошок лез всюду, мешая дышать и раздражая слизистую глаз.

Не доходя до Глины метров двести, Кречет достал из кармана серый платок и замотал лицо. Боб воспользовался одноразовой медицинской маской, когда-то бывшей нежно-зеленого цвета, а ныне грязной, как портянка. Маска плохо защищала от пыли, но выбирать не приходилось — свой шикарный платок-арафатку Боб вчера проиграл в блэджек каптеру Вьюну, хитрому малому с масляными глазками профессионального барыги.

— Хоть бы мужики сегодня байвала подстрелили, — мечтательно прошамкал из-под платка Кречет. — Мяска свеженького охота. Убоинки...

— То-н-н-н-н! — раскатилось над долиной мертвой реки. Звук был сильным, мощным и лился, казалось, отовсюду, словно звучало само небо.

— Это чё такое? — растерянно спросил Боб, испуганно озираясь по сторонам.

— Ложись! — зашипел Кречет, сдергивая с себя автомат. — Быстрее!

Рухнув в пыль рядом с напарником, Боб стянул с лица маску — все одно толку от нее никакого — и прохрипел:

— Да чё происходит-то?

— Ангелы небесные идут, — непонятно и очень зло ответил Кречет и почему-то посмотрел вверх. Автомат он даже не снял с предохранителя.

— Ангелы?

— Молчи и не шевелись.

Боб послушно замер, он уже давно понял, что в пустотах вот такое автоматическое послушание в большинстве случаев может спасти тебе жизнь.

Какое-то время ничего не происходило. Тихо подвывал ветерок среди камней. Потом из-за бугра, когда-то бывшего берегом реки, выбежала шестиногая ящерица. Она наткнулась на людей, в панике вздыбила на спине желтые чешуйки и бросилась на тощих лапах прочь че-

рез такыр, оставляя за собой пыльный шлейф, быстро размываемый ветром.

— Вот он, гад... — прошептал Кречет. Он добавил еще что-то, но слова утонули в новых звуках, раскатившихся окрест.

Это была, без сомнения, музыка, но музыка дьявольская, жуткая. Боб подумал, что так должен звучать орган, по клавишам которого скачут черти.

В полуденном небе над их головами вспыхнула звезда — и начала медленно опускаться. Боб почувствовал, как у него вспотели ладони. Он не был бесстрашным героем и вообще подозревал, что таких людей не бывает. Во время службы в армии, во время кратких скитаний по Центруму, куда его занесло случайно, во время учебы в Пограничной школе, и тут, на 42-й заставе во время стажировки, ему не раз приходилось сталкиваться с опасностью, однако страх, возникающий в человеке, лежащем под пулями контрабандистов, — это обычный, простой страх, который легко объяснить и с которым можно справиться.

Сейчас же Боба охватил настоящий ужас. Он перестал контролировать себя, понимать, где находится. Хотелось только одного — стать крохотным, незаметным, забиться в какую-нибудь щель...

Сияющая звезда опускалась все ниже и ниже. Сатанинский хорал гремел над мертвой рекой. Собрав остатки воли, Боб сжал исцарапанное цевье карабина, пальцы ухватились за теплую шишечку затвора.

— Не дури! — зарычал Кречет, пригибая ствол к земле. — Он, падла, молниями хреначит на километр! Лежи! Не смотри туда! Не смотри, сука, убью!!!

Боб уткнулся носом в кофейную пыль, вдохнул, закашлялся, открыл рот, как рыба, выброшенная на берег. В горле сразу же запершило, он попытался сплюнуть, задохнулся и, повернув голову, все же бросил взгляд на русло реки.

Там, примерно в трехстах метрах от того места, где лежали они с Кречетом, в воздухе висело нестерпимое сияние, словно зажглось второе солнце. Орган звучал непрерывно; казалось, что трубный глас взметает пыль, пригибает к земле кусты.

А еще Боб заметил странный призрачный ореол метров десяти в диаметре, вдруг возникший прямо под сиянием, и человеческую фигурку, пытающуюся подняться на ноги. Человек был гол, его шатало.

— Опустит глаза, баран! — взвыл сквозь зубы Кречет. Боб отвернулся.

Так они пролежали не меньше десяти минут, после чего звуки небесного органа начали удаляться, однако Кречет зашевелился и встал на ноги только после того, как все окончательно стихло.

— Что это... было? — прошептал Боб, попытался подняться, но не смог с первого раза — ногу свело судорогой. Наконец кое-как он выпрямился и встал рядом с напарником.

— Да хрен его знает, — мрачно буркнул Кречет. — Пацаны с заставы прозвали эту дрянь «Поющим Призраком». Она редко бывает, я второй раз всего вижу.

Кречет помолчал, посмотрел исподлобья на Боба и вдруг резко выбросил сжатую в кулак руку. Боб получил удар в челюсть, попятился и сел.

— Сам знаешь, за что, — буркнул Кречет, предвосхищая вопрос. — Еще раз не выполнишь приказ, скажу Мамаю, чтобы снял тебя с патруля. Будешь вечным дежурным.

— Я там человека видел... — как бы оправдываясь, сказал Боб. — Голого.

— Забудь, — отрезал Кречет. — Это пустоши. Это Центрум. Делай то, что должен, и... и все. Понял?

Боб кивнул, закинул карабин на плечо и пошел за напарником, спускавшимся в речную долину.

Часть первая

Гонец

Глава первая

Вообще-то путей в Центрум много. Наверное, миллионы, а может быть, и миллиарды. Слыхал я от одного контра, что, в сущности, каждый человек, каждый землянин — потенциальный проводник и способен открыть Портал. Вранье, наверное, хотя я вот до тридцати лет жил себе спокойно, поживал, ни о каком Центруме понятия не имел и о том, что я проводник, — тоже.

Про «жил спокойно» — это для красного словца, помотало меня на самом деле, как «КамАЗ» по ухабам. Как там у Трофима? «Друзья мои в начальниках, а мне не повезло. Который год скитаюсь с автоматом», но это не суть. Главное — однажды я открыл Портал и оказался здесь. Чуть с ума не сошел вначале, еле выбрался, а потом уже пошло-поехало...

Говорят, раньше, лет двадцать назад, пограницы лютовали по-взрослому. Чуть чего — хлоп в лоб, и тапки в угол. Теперь некогда грозное и неприступное Пограничье стало похоже на сито-решето — «заходи, кто хочешь, бери, что хочешь». Правда, желающих в последнее время сильно поубавилось, и дело тут вовсе не в мифических минных полях, замаскированных системах слежения, датчиках движения и безжалостных патрулях, палящих во все живое. Как любит говорить Жора Полторыпятки, «дурнив нема». Нема — в том смысле, что «не осталось».